

Опыт действий бронетанковых войск Красной армии на Хасане и Халхин-Голе: рефлексии военной элиты

Алексей А. Киличенков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kilichenkov@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе документов их фондов Российского государственного военного архива (РГВА) предпринята попытка анализа процесса осмысления представителями командования Красной армии опыта действий бронетанковых сил в ходе локальных военных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол в 1938–1939 гг. Выводы, сделанные командирами разного уровня в целом, точно фиксировали главные недостатки и ошибки применения танковых частей и соединений, полностью повторявшие таковые в ходе гражданской войны в Испании. Делается вывод о том, что к моменту начала конфликтов этот опыт оказался неизвестен танковым и общевойсковым командирам. Кроме того, на основе контент-анализа выявляется неспособность специалистов оценить слабое бронирование танков, как главную причину тяжелых потерь. Обращается внимание на то, что при верной фиксации чрезвычайно низкого уровня подготовки командиров и личного состава танковых войск, итоговые выводы докладов вышестоящему командованию содержали исключительно высокие оценки боеспособности и заверения в готовности выполнить любую задачу. В то же время высшее военно-политическое руководство страны получало достаточный объем правдивой информации от своих представителей из зоны конфликтов, но предпочитала транслировать обществу картину высочайшей боевой готовности бронетанковых войск, что нашло яркое и убедительное отражение и в массовой советской культуре.

Ключевые слова: локальные военные конфликты, Красная армия, бронетанковые войска, оценка боевого опыта, военная элита

Для цитирования: Киличенков А.А. Опыт действий бронетанковых войск Красной армии на Хасане и Халхин-Голе: рефлексии военной элиты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 1. С. 88–101. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-88-101

The Armored Forces of the Red Army in Khasan's and Khalkhin Gol's armed conflicts. Reflections of the military elite

Aleksei A. Kilichenkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kilichenkov@yandex.ru*

Abstract. In the article, based on documents from the collections of the Russian State Military Archive (RGVA), an attempt is made to analyze the process of understanding by representatives of the Red Army command the experience of the actions of Armored forces during local military conflicts at lake Khasan and Khalkhin Gol river in 1938–1939. The conclusions made by commanders at various levels, in general, accurately recorded the main shortcomings and errors in the use of tank units and formations, which completely repeated those during the Civil War in Spain. It is concluded that by the time the conflicts began, that experience was unknown to tank and combined arms commanders. In addition, based on content analysis, the inability of specialists to assess the weak armoring of tanks is revealed as the main reason for heavy losses. Attention is drawn to the fact that while correctly recording the extremely low level of training of commanders and personnel of the tank forces, the final conclusions of the reports to the higher command contained exceptionally high assessments of combat effectiveness and assurances of readiness to carry out any order. At the same time, the country's top military-political leadership received a sufficient amount of truthful information from its representatives from the conflict zone, but preferred to broadcast to the public a picture of the highest combat readiness of the armored forces, which was clearly and convincingly reflected in mass Soviet culture.

Keywords: local armed conflicts, Red Army, armored forces, assessment of combat experience, military elite

For citation: Kilichenkov, A.A. (2024), "The Armored Forces of the Red Army in Khasan's and Khalkhin Gol's armed conflicts. Reflections of the military elite", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relationships" Series*, no. 1, pp. 88–101, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-1-88-101

Введение

История участия Советского Союза в локальных военных конфликтах кануне Второй мировой войны благодаря «архивной революции» 1990-х гг. вышла из «историографической тени» и к настоящему времени прочно занимает свое место в спектре ис-

следовательского интереса современных российских историков [Субханкулов 2011, с. 32–39; Зимонин 2013, с. 65–83]. При этом объектом научного анализа становятся все новые аспекты этих событий [Коломиец 2013; Болд 2013, с. 143–154; Дятлов 2014, с. 221–224; Иванов 2018, с. 6–15], среди которых опыт локальных войн как самостоятельная проблема также нашел своих исследователей [Бельков 2005, с. 182–202; Шашкова 2017, с. 67–77; Мухин 2020, с. 4–12]. Необходимо отметить и появление публикаций, имеющих непосредственное отношение к тематике данной статьи [Богданов 2011, с. 97–100]. Развитие новейшей отечественной историографии локальных войн явно свидетельствует о признании исследователями актуальности анализа опыта, полученного в их ходе. В настоящей статье ставится цель изучения процесса восприятия и оценки представителями командования Красной армии и военно-политического руководства страны опыта применения советских бронетанковых войск в ходе военных конфликтов на Дальнем Востоке. Модель восприятия этого опыта, механизм его анализа, оценки и применения представляет собой важнейший и чрезвычайно перспективный предмет исторических исследований, позволяющий редкую возможность изучения рефлексий интеллектуальной культуры определенной группы.

Другим, не менее важным аспектом актуальности поставленной цели является та роль, которую бронетанковые войска и вооружения играли в предвоенный период. Роль решающей ударной силы, которую еще только предстояло сыграть в приближающейся Второй мировой войне, уже успела проявиться в ходе локальных конфликтов в Испании и на Дальнем Востоке. И вопрос о том, насколько военная элита разных стран, а в данном случае – Советского Союза – смогла осознать эту роль и адекватно отразить полученный опыт, имеет важнейшее значение для исследования проблематики Великой Отечественной войны и, особенно, ее трагического начала.

Применение бронетанковых войск Красной армии в ходе конфликта у о. Хасан

В 1930-е – начале 1940-х гг. вооруженные силы СССР – и армия, и флот, и авиация – оказались участниками большинства военных конфликтов на территории стран Европы и Азии, что, безусловно, было продиктовано политическими мотивами, в результате чего советское военное командование, получило редчайшую возможность накопления и анализа непосредственного опыта боевых действий.

Полученный опыт тщательно изучался командованием Красной армии и флота.

Первым полноценным боевым испытанием для советских танковых войск стал вооруженный конфликт с Японией в районе озера Хасан в июле–августе 1938 г. Советская пропаганда по его окончании представила эти события как безусловную победу Красной армии, в которой бронетанковые войска сыграли решающую роль. Действительность оказалась очень и очень далека от мифологизированного образа, закрепившегося в сознании советских людей на долгие десятилетия.

В боевых действиях 29 июля – 11 августа 1938 г. приняли участие автобронетанковые войска Краснознаменного Дальневосточного фронта – 2-я отдельная механизированная бригада, 32-й и 40-й отдельные танковые батальоны и разведбатальоны 32-й и 40-й стрелковых дивизий. Танковые подразделения сыграли важную роль в решающих боях 6–8 августа, обеспечивая штурм ключевых пунктов японской обороны – сопки Безымянная, Заозерная и Пулеметная. Несмотря на скоротечность конфликта и ограниченный масштаб применения бронетанковых сил, выводы из опыта их применения были сделаны самые обширные, и, что было особенно важно, анализ полученного опыта проводился на всех уровнях – от младших командиров до наркома обороны и генерального секретаря ВКП(б). И все основания для этого были. Бои, в которых активно действовали танки заняли всего трое суток, но потери оказались весьма тяжелыми. Согласно отчету начальника АБТО 1-й армии ДКФ комбрига А.Ф. Попова, из участвовавших в боях 200 танков были потеряны и выведены из строя 83 машины (6 БТ-7 и 77 Т-26), погибли 63, ранены 97, пропали без вести 7 танкистов¹.

На этот раз недостатка в объяснении причин столь высоких потерь не было. Донесения и отчеты с мест, обобщенные в Генеральном штабе РККА, рисовали картину удручающе безграмотного применения танков. Командование стрелковых частей и соединений, которым были приданы механизированная бригада и танковые батальоны, совершенно не считалось с тем, что местность была фактически танконедоступной – высокие сопки, овраги, заболоченные участки.

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35083. Оп. 1. Д. 81. Л. 80–81, 140; Ф. 31811. Оп. 2. Д. 855. Л. 36–38. Здесь необходимо отметить, что цифры танковых потерь в ходе хасанского конфликта значительно разнятся и в документах, и в литературе по при причине различий в методике подсчета.

Вместо применения небольшими группами поддержки пехоты танки целыми батальонами или ротами отправлялись в атаку на позиции противника, занимавшего склоны сопок. При этом никаких выводов из первых неудачных штурмов не было сделано. Не удивительно, что в ходе атак, проведенных, как правило, без всякой разведки, бо́льшая часть потерянных танков просто застряла в болотах и оврагах². Организации применения танков, по сути, никакой не было. Обеспечить взаимодействие танков с пехотой, артиллерией и авиацией не получалось. Танки, действовавшие фактически без разведки и без прикрытия артиллерией, попадали в засады и без помех расстреливались противотанковой артиллерией противника.

В то же время эти выводы, зафиксированные на различных уровнях управления войсками, совершенно недвусмысленно свидетельствовали, что опыт войны в Испании не был никоим образом учтен. До полного совпадения повторялись все те же ошибки и просчеты командования, все то же отсутствие взаимодействия на поле боя разнородных сил, отсутствие разведки, полное неумение пехотных командиров использовать танки и т. п.

Очень важно отметить и то, в чем выводы танкистов в Испании и на Хасане совпали. И те и другие не видели срочной необходимости усилить броневую защиту своих боевых машин. Специалисты Генштаба РККА совершенно обоснованно считали главной причиной больших потерь отсутствие «должного взаимодействия между пехотой, артиллерией, танками и авиацией»³, но никак не слабость бронирования.

Анализ итогов изучения опыта боевых действий на Хасане позволил выявить еще одну очень важную черту этого процесса. Авторы многочисленных отчетов и донесений в целом вполне объективно отмечали имевшиеся недостатки и просчеты как в боевой подготовке войск, так и в организации их применения. Впору было бить тревогу и требовать немедленной и кардинальной реорганизации обучения и подготовки войск и командиров. Именно это требование должно было стать ключевым содержанием итоговых выводов по опыту хасанского конфликта. Но авторы упомянутых докладов доносили до начальства совсем иные заключения. Финальная часть упомянутого обзора Генштаба РККА прямо походила на реляцию триумфальной победы, звучащую из уст восторженного политработника: «В боях за социалистическую родину доблестные танкисты с именем вождя

²Так, 2-я механизированная бригада, брошенная 6–7 августа на штурм высоты Заозерная, потеряла таким образом 44 танка (РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 81. Л. 141).

³Там же. Л. 142.

народов тов. Сталина шли бесстрашно и мужественно в бой, проявляя исключительную храбрость, отвагу, стойкость и преданность до конца своей жизни нашей партии и родине»⁴.

Нет никаких оснований предполагать, что советское руководство – и Ворошилов, и Сталин – были введены в заблуждение. На упомянутом заседании Военного совета 26 ноября 1938 г. комкор Г.М. Штерн, докладывая членам Политбюро ЦК ВКП(б) о действиях Красной армии в ходе конфликта на Хасане, самым критическим образом оценил и подготовку, и действия танковых частей: «Плохо были подготовлены и танковые части. Достаточно будет, если я доложу, что в 1-й, и 2-й, и 21-й мехбригадах ни один батальон ни одного раза не занимался с пехотой. Танковые части варились в собственном соку <...> Несмотря на то что танкам были даны самые исчерпывающие указания, танки действовали плохо...»⁵. Эти оценки комкора Штерна были подтверждены и в тексте приказа наркома обороны № 0040 от 4.09.1938 г., где было прямо сказано: «Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне... Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери...»⁶.

Но это оказалось всего лишь выводами «для внутреннего пользования». Армии и стране транслировались «правильные оценки». В марте 1939 г. на заседании XVIII съезда ВКП(б) в приветственном слове от имени советских танкистов участник боев у Хасана, командир 2-й отдельной мехбригады полковник А.П. Панфилов заверил «XVIII съезд большевистской партии... нашего вождя и учителя т. Сталина, нашего любимого народного комиссара т. Ворошилова, весь советский народ, что наши танки в полной боевой готовности»⁷.

Боевая подготовка танковых войск Красной армии получила самую высокую оценку и в выступлении наркома обороны К.Е. Ворошилова на том же съезде: «Неплохо работают наши

⁴ «На границе тучи ходят хмуро...» (к 65-летию событий у озера Хасан): Аналитические материалы / Сост. И.И. Басик, В.Л. Воронцов, В.И. Коротаев, Н.И. Никифоров; под общ. ред. Н.И. Резника. Жуковский; М.: Кучково поле, 2005. С. 214.

⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 206–216.

⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М.: Терра, 1994. С. 57–58.

⁷ XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1939. С. 506.

славные танкисты. Есть целые танковые части и соединения, боевая подготовка которых расценивается очень высоко. В общем, все танковые войска являются хорошо слаженными, неплохо подготовленными как в огневом, так и тактическом отношении. *С боевыми задачами любого характера этот род войск, безусловно, всегда справится, так как рядовой, командный, комиссарский и политический состав их хорошо подготовлен* (курсив наш. – А. К.) и свое дело знает “на-ять”⁸.

Эти бравурные заверения очень быстро оказались растиражированы советской пропагандой. Уже в июле 1939 г. состоялась премьера фильма Ивана Пырьева «Трактористы». И сам фильм, и прозвучавшая в нем знаменитая песня «Три танкиста» Бориса Ласкина были созданы под впечатлением событий у о. Хасан.

Но разведка доложила точно:
И пошел, командою взметен,
По родной земле дальневосточной
Броневой ударный батальон.

Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи,
Под напором стали и огня.

И добили – песня в том порука –
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста – три веселых друга
Экипаж машины боевой!

А «Марш советских танкистов» из этого же фильма не оставлял ни малейших сомнений в том, что танковые войска Красной армии, действительно, способны выполнить любой приказ Родины и готовы решить любую боевую задачу:

Заводов труд и труд колхозных пашен
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен
И быстротой, и натиском огня.

Гремя огнем, сверкая блеском стали
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И Первый Маршал в бой нас поведет!

⁸Там же. С. 202.

И фильм, и обе песни стали необычайно популярны и любимы в народе. Вместе с ними возник и укрепился в общественном сознании миф о всеокрушающей мощи советских танковых войск. Он начал жить своей собственной жизнью, получая постоянную живительную подпитку военных парадов и демонстраций, на которых танковая техника становилась безусловным «гвоздем программы». Зародившийся в 1938–1939 гг. миф получил свое дальнейшее развитие в фильме «Танкисты» (реж. З. Драпкин, Р. Майман, 1939 г.), ставшем впечатляющей демонстрацией всеокрушающей мощи и фантастических возможностей бронетанковых войск Красной армии.

Действия бронетанковых войск Красной армии в ходе конфликта на р. Халхин-Гол

Спустя всего лишь год бронетанковые войска Красной армии стали участником нового вооруженного конфликта с Японией, на этот раз – более масштабного и ожесточенного. В мае–сентябре 1939 г. на границе Китая с Монголией у реки Халхин-Гол произошли боестолкновения, переросшие в полномасштабные сражения с применением авиации и артиллерии. В отличие от событий на Хасане местность благоприятствовала действиям танков, и они вполне ожидаемо стали главной ударной силой объединенной советской группировки, в составе которой было задействовано 498 танков и 385 бронемашин [История Второй мировой войны 1974, т. 2, с. 217].

Советские автобронетанковые войска, действительно, сыграли решающую роль в главных сражениях данного конфликта, но и в этот раз их потери оказались чрезвычайно тяжелыми. Согласно донесению врид начальника АБТУ комбрига В.П. Пуганова, в общей сложности на Хасане и Халхин-Голе безвозвратно было потеряно 265 боевых машин, включая 136 танков (75 БТ-5, 48 БТ-7, 2 Т-26, 6 Т-37, 5 БХМ-3) и 121 БА, и 8 тягачей Т-20⁹.

Истинную же напряженность боев с применением танков и масштаб их потерь отражают другие показатели. Так, в ходе ожесточенных боев у высоты Баин-Цаган 3–5 июля 1939 г., когда противник переправился на западный берег р. Халхин-Гол и создал угрозу флангу и тылу советско-монгольской группировки, для ликвидации его плацдарма в наступление была брошена 11-я танковая бригада. Эта атака стала одним из самых известных

⁹ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 856. Л. 301.

эпизодов конфликта на Халхин-Голе. Благодаря К.М. Симонову, сохранилось описание боя тем, кто отправил танковую бригаду в эту атаку – Г.К. Жуковым: «На Баин-Цагане у нас создалось такое положение, что пехота отстала... А японцы свою 107-ю дивизию уже высадили на... нашем берегу... перетасили дивизию и организовали двойную противотанковую оборону – пассивную и активную... А во-вторых, перетасили всю противотанковую артиллерию, свыше ста орудий... Я принял решение атаковать японцев танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы тогда сознательно шли на это. Бригада была сильная, около 200 машин. Она развернулась и пошла. Понесла очень большие потери от огня японской артиллерии... Танки горели на моих глазах. На одном из участков развернулось 36 танков, и вскоре 24 из них уже горело. Но зато мы раздавили японскую дивизию. Стерли»¹⁰.

Согласно докладу инспектора АБТВ фронтовой группы полковника П.И. Другова, 11-я танковая бригада в ходе боев 3 июля 1939 г. потеряла из общего числа 132 танков 46 – сгоревшими и 36 – подбитыми (62%)¹¹. В докладе командира танковой бригады полковника С.И. Олейникова описана атака 2-го танкового батальона 11 ТБр, когда за три часа боя батальон потерял 21 танк из 31 (67,7%)¹².

Масштаб этих потерь сам по себе должен был подтолкнуть к весьма тревожным выводам. И, если на Хасане потери, действительно, можно было объяснить объективными причинами (танко-недоступной местностью), то на Халхине-Голе танки действовали почти в идеальных в этом отношении условиях, что признавали сами участники событий¹³. Но эти почти идеальные условия не спасли их от тяжелых потерь. Более того, обстоятельства этих действий и уровень потерь фактически стали приговором прежней концепции развития танков, когда в первой половине 1930-х гг. скорость и маневренность считались лучшей защитой от огня противотанковой артиллерии. Но этот, казалось бы, очевидный и самый первый вывод остался не замеченным советскими танковыми специалистами и не нашел никакого отражения в отчетных документах.

¹⁰ Симонов К. К биографии Г.К. Жукова // Симонов К. Истории тяжелая вода. М.: Вагриус, 2005. С. 78–79.

¹¹ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 5.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 94. Возможно, что Г.К. Жуков наблюдал именно этот бой.

¹³ Там же. Л. 86.

*Отчетные доклады танкистов:
опыт контент-анализа*

Нет основания полагать, что отчетные доклады были составлены людьми, далекими от реалистического и даже критического восприятия. Совсем наоборот. Тексты и П.И. Другова, и С.И. Олейникова оставляют впечатление трезвого, глубокого и обстоятельного анализа, о чем свидетельствует структура обоих докладов. Так, половина доклада П.И. Другова (47,6% объема) отведена описанию и анализу действий танков в бою, подготовка танков к бою – 14%, обеспечение действий танков – 7,1%, характеристика ТВД – 0,8%, характеристика ПТО противника – 0,7%, выводам посвящена довольно большая часть доклада – 22,8%.

Другов охватил практически все основные вопросы подготовки и применения танков. Но, если оценить «иерархию приоритетности» каждого отдельного вопроса, то на первом месте окажется проблема конструктивных недостатков боевых машин – 16,6%. Автора доклада эта проблема явно волновала более других. И здесь возникает некая коллизия. Полковник Другов достаточно подробно описывает вскрывшиеся слабые места в конструкции танков и бронемашин Красной армии и подробно останавливается на слабости бронирования последних. Но общего вывода о срочной необходимости усиления броневой защиты ввиду полной беззащитности танков перед артиллерией любых калибров так и не было сделано. Острейшая проблема почти полного отсутствия взаимодействия танков с пехотой и особенно с артиллерией, не говоря уже об авиации, в докладе Другова заняла весьма скромное место – всего 5,3% общего объема текста.

Доклад командира танковой бригады полковника С.И. Олейникова – такой же подробный и обстоятельный, содержит, главным образом, описание боевых эпизодов (57,6% общего объема текста). Точно также, как и в докладе Другова, упоминается, что отсутствие взаимодействия с пехотой и артиллерией становилось причиной потерь танков, но этот важнейший вывод теряется среди массы мелких суждений. Доклад Олейникова более всего примечателен повторяющимися замечаниями о совпадении конкретных выводов из опыта войны в Испании и на Халхин-Голе, но вполне закономерный вопрос о том, почему одни и те же ошибки были повторены дважды, у автора доклада так и не возник.

Поразительно, но оба автора докладов, ставшие прямыми участниками событий, подробно описывали характер повреждений советских танков и фактически признавали их беззащитность перед японской противотанковой артиллерией всего лишь 37-мм калибра,

бронебойные снаряды которой с малых и средних дистанций легко пробивали лобовую и бортовую броню любого танка и «раскрывались внутри танка»¹⁴. Последствия пробития броневой защиты танка были катастрофическими: «...от попадания противотанковых снарядов почти все танки и броневики... горят и восстановлению не подлежат. Машины приходят в полную негодность, пожар вспыхивает за 15–30 с. Экипаж всегда выскакивает с горящей одеждой. Пожар дает сильное пламя и черный дым (горит как деревянный домик), наблюдаемый с дистанции 5–6 км. Через 15 минут начинают взрываться боеприпасы, после взрыва которых танк может быть использован только как металлолом» [Коломиец 2013, с. 86–87].

Большие потери бронетехники совершенно обосновано объяснялись ошибками в ее применении. В качестве главной из них указывалось отсутствие взаимодействия с другими родами войск на поле боя: «Этот опыт нам говорит, что танковая часть без взаимодействия с пехотой может прорваться через поспешно организованную оборону противника, но полностью уничтожить оборону не сможет... если пехота имеет хотя бы половину суток для организации обороны (особенно противотанковой), атака ее одними танками без поддержки артиллерии и без взаимодействия с пехотой сопряжена с большими потерями. Такая атака может быть допустима только как крайний случай, вызванный оперативными соображениями»¹⁵.

Но все-таки ни повторявшиеся ошибки в применении танков и бронемашин и, как следствие, их большие потери, ни конструктивные недостатки советской бронетехники, не сказались на финальных выводах. Более того, ни один из танкистов, авторов докладов о боях на Халхин-Голе не ставил под сомнение боеспособность советских танков: «БТ-5 и особенно БТ-7 – прекрасные боевые машины, способные решать все боевые задачи легких танков... Танки Т-26 показали себя с лучшей стороны... ХТ-26¹⁶ показали себя исключительно с хорошей стороны. Танк наводил ужас на японскую пехоту»¹⁷.

Общий вывод по итогам халхин-гольского конфликта звучал в уже знакомой нам интонации: «Механизированные части, выражающие мощь техники РККА, являлись грозной силой для захватчиков. Японские пленные солдаты говорили: “мы теперь знаем, что СССР очень богатая страна, у нее много хлеба и машин.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1088. Л. 4об. – 5.

¹⁵ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 5об.

¹⁶ Огнеметный танк на базе танка Т-26.

¹⁷ РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 1088. Л. 15.

Мы боимся ваших танков, особенно, тех, которые метают огонь”. Танкисты проявили везде массовый героизм... показали образцы выдержки, самоотверженности и героизма в борьбе...»¹⁸

Заключение

Действия бронетанковых войск Красной армии в ходе локальных конфликтов на Дальнем Востоке в 1938–1939 гг. дали чрезвычайно важный опыт их применения в современной войне. И на Хасане, и на Халхин-Голе советские танки и бронемшины использовались как главная ударная сила прорыва подготовленной обороны умелого противника, применявшего все средства борьбы с бронированными целями. Полученный опыт был подвергнут анализу на различных уровнях управления войсками, и сделанные выводы в целом точно зафиксировали слабые и сильные стороны бронетехники Красной армии и ее применения. Но в ходе обобщения этого опыта были допущены две фатальных ошибки. Первой из них стало отсутствие вывода о неспособности броневой защиты танков и бронемашин противостоять снарядам противотанковой артиллерии, второй – общая высокая оценка уровня подготовки бронетанковых войск и их соответствия требованиям современной войны. Эти выводы, транслируемые высшему командованию, затем тиражировались советской пропагандой и становились основой ложных представлений и общества, и военно-политического руководства страны об истинной готовности армии к надвигавшейся большой войне.

Литература

- Бельков 2005 – Бельков Д.А. Красная армия накануне Великой Отечественной войны: использование опыта локальных войн // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 182–202.
- Богданов 2011 – Богданов И.О. Использование советскими конструкторами опыта локальных войн 30-х годов XX в. при создании новой танковой техники // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 4 (85). С. 97–100.
- Болд 2013 – Болд Р. Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3 (11). С. 143–154.

¹⁸ Там же. Оп. 4. Д. 22. Л. 112.

- Дятлов 2014 – Дятлов В.В. Оценка советским военно-политическим руководством опыта боевых действий артиллерии в вооруженных конфликтах и войнах 1929–1940 гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 3 (86). С. 221–224.
- Зимонин 2013 – Зимонин В.П. Халхин-Гол в системе Второй мировой войны // Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века: Сб. статей / Науч. ред. Е.В. Бойкова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 65–83.
- Иванов 2018 – Иванов В.В. Применение бронетехники войсками советской Красной армии в вооруженном конфликте на озере Хасан, июль – август 1938 г. // News of Science and Education. 2018. Т. 12. № 2. С. 6–15.
- История Второй мировой войны 1974 – История Второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. / Гл. ред. А.А. Гречко. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. 480 с.
- Коломиец 2013 – Коломиец М.В. Танки на Халхин-Голе: «Необъявленная война» Сталина: боевое крещение советских танкистов. М.: Яуза: Эксмо, 2013. 127 с.
- Мухин 2020 – Мухин М.Ю. Влияние опыта вооруженных действий второй половины 1930-х гг. на организацию и концепции применения советских войск // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 4–12.
- Субханкулов 2011 – Субханкулов Р.Ф. Участие СССР в вооруженных конфликтах у озера Хасан и реки Халхин-Гол: историографический аспект // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 1. С. 32–39.
- Шашкова 2017 – Шашкова О.А. Боевой опыт русской армии: страницы истории военной археографии конца XIX – первой половины XX в. Ч. 3: 1930-е гг. // История и архивы. 2017. № 1. С. 67–77.

References

- Bel'kov, D.A. (2005), "The Red Army on the eve of the Great Patriotic War. Using the experience of local wars", *The New Historical Bulletin*, vol. 13, no. 2, pp. 182–202.
- Bogdanov, I.O. (2011), "The use by Soviet designers of the experience of local wars of the 1930s in development of new tank equipment", *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 85, no. 4, pp. 97–100.
- Bold, R. (2013), "The fighting at the Khalkhin Gol river. A revision of statistics", *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 11, no. 3, pp. 143–154.
- Dyatlov, V.V. (2014), "Assessment by the Soviet military-political leadership of the experience of artillery combat operations in armed conflicts and wars of 1929–1940", *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 86, no. 3, pp. 221–224.
- Grechko, A.A., ed. (1974), *Istoriya Vtoroi mirovoi voyny, 1939–1945* [History of the World War II, 1939–1945], 12 vols., vol. 2, Voensizdat, Moscow, USSR.

- Ivanov, V.V. (2018), "The use of armored forces by troops of the Soviet Red Army in the armed conflict on Lake Khasan, July–August 1938", *News of Science and Education*, vol. 12, no. 2, pp. 6–15.
- Kolomiets, M.V. (2013), *Tanki na Khalkhin-Gole. "Neob'yavlennoy voina" Stalina: boevoye kreshchenie sovetskikh tankistov* [Tanks at Khalkhin Gol. "Undeclared War" of Stalin. Baptism by fire for Soviet tank crews], Yauza, Eksmo, Moscow, Russia.
- Mukhin, M.Yu. (2020), "The military operations experience of the second half of the 1930s influencing the organization and concepts of the use of Soviet troops", *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 12, pp. 4–12.
- Shashkova, O.A. (2017), "Russian army combat experience. Pages of military archeography history in the late 19th – early 20th century. Part 3. 1930s", *History and Archives*, no. 1, pp. 67–77.
- Subkhankulov, R.F. (2011), "Participation of the USSR in armed conflicts near Lake Khasan and the Khalkhin Gol River. A historiographical aspect", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*, no. 1, pp. 32–39.
- Zimonin, V.P. (2013), *Khalkhin-Gol v sisteme Vtoroi mirovoi voyny // Khalkhin-Gol: vzglyad na sobytiya iz XXI veka: Sbornik statei* [Khalkhin Gol. A look at events from the 21st century. Collected articles], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 65–83.

Информация об авторе

Алексей А. Киличенков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kilichenkov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9868-3342

Information about the author

Aleksei A. Kilichenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kilichenkov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9868-3342